

Сорок лет назад столица лишилась Собачки - Собачьей площадки, одного из самых, если так можно выразиться, литературных мест старой Москвы. А началось все в 62-м, когда сонные летние арбатские переулки встряхнул грохот бульдозеров, тяжелых кранов и МАЗов.

Владимир ПОТРЕСОВ:

СОРОК ЛЕТ БЕЗ СОБАЧКИ

Здесь на Собачке жил Пушкин, 1959

О Новом Арбате говорили в 30-е, потом война, а там, похоже, совсем забыли, и вот - вспомнили. Старинные особняки, перенаселенные клоповники расселяли споро, потому что на самом верху решили, что к очередной годовщине колонны демонстрантов должны двинуться по новому проспекту. Чугунные шары-бабы на стрелах кранов разносили в щепки ампириные фасады, являя на свет коммунальную срамоту. В считанные дни исчез Кречетниковский переулок, и строители вплотную подступили к Собачке.

Размышляя сегодня над феноменом Арбата (почему именно этот район сделался стойким символом столицы, хотя его историческая, истинно московская составляющая безвозвратно уничтожена), все время мысленно возвращаюсь на Собачью площадку. Тот, кому пятый десяток, даже в неясных младенческих видениях, скажем, первого путешествия из роддома Грауэрмана, не вспомнит, как действительно выглядела площадь.

А между тем Собачья площадка виртуально существует (будто не прошло четырех десятилетий, словно можно завтра сходить туда погулять) в мыслях и памяти москвичей как некий светлый образ старой Москвы, той, где цвели древние липы, в окнах играли радиолы, у подъездов сидели хорошие бабушки и правильные деды; не было олигархов и автомобильных пробок.

Казалось бы, таким символом должна звать Арбатская площадь, а вот поди ж ты.

Объяснений тому несколько, все они достаточно банальны, однако вместе, верно, и создали немеркнущий ореол. Прежде всего, как говорила странная красавица из романа Ремарка, герой должен быть мертвым, поскольку от живого неизвестно чего еще ждать. Представляется, именно в том, что Собачья площадка нет, а воссоздать ее невозможно даже как новодел типа храма Христа Спасителя, и есть основной источник легенды. А кроме легкое, интригующее название, причем не площадь, а площадка: почувствуйте разницу! Это не Каковинские или Дурновские переулки в ближайших окрестностях, названные в память квартировавших опричных полковников, впрочем, ныне снесенные и забытые. А еще московская Собачка встречается во множестве литературных произведений - даже тех авторов, что в программе средней школы.

Хоть с детства немил бухгалтерско-риэлторский жанр путеводите-

лей, а кое-какие исторические сведения сообщу, чтобы не возникло ощущения, мол, пустое это место, и незачем о нем с печалью вспоминать.

Появилась площадка только в начале XIX века (на первом московском геодезическом плане 1739 года ее нет): треугольное пространство на сложном перекрестке Кречетниковского, Дурновского, Борисоглебского и Николопесковских переулков, причем какое-то зыбкое - известно, даже в 1827 году дворы по южной стороне площадки значились в Больших Трубниках, а по северной стороне - в Кречетниковском переулке. В середине Собачки торчала восьмигранная колонна, украшенная поверху львиными мордами (памятник барской собаке, поясняли пролетарские старожилы), окруженная небольшим сквером. А по сторонам - милые сердцу ампириные особняки в полтора этажа с мезонинами и аршинным гербом на фронтоне.

При Грозном здесь выстроили дворы опричникам, рядом лежали стрелецкая слобода «приказа Степана Каковинского» и слобода трубников (царских печников и трубочистов). В первой стояла церковь Николы на Песках, во второй - Николы, что «на Курьей Ношке».

В уничтоженном ныне Кречетниковском переулке предполагался Кречетный двор, то есть содержались птицы для царской соколиной охоты. А рядом, по преданию, находился Псаренный, или Собачий, двор: своры собак для псовой охоты, по которому, мол, и названа позже площадка.

В 50-е прошлого века в доме на углу Борисоглебского и Собачки рядом с керосиновой лавкой (потом - «Хозтовары») располагался продовольственный магазин (по малости лет, помню, меня поразило обилие тусклых бутылок «Московской»). Оказывается, здесь у своего приятеля Соболевского (библиографа и библиофила, остроумного автора эпитаграмм, «архивного юноши») остановился, приехав в Москву 19 декабря 1826 года, Пушкин и читал Погодину «Бориса Годунова», намеченного к печати в январской книжке погодинского «Московского вестника».

«Мы ехали через Собачью площадку, - спустя сорок лет ностальгировал Соболевский в письме к Погодину. - Сравнявшись с углом ее, я показал товарищу дом Ренкевичевой, в котором жил я, и у меня - Пушкин. Сравнялись с прорубленной мною дверью на переулок, видим на ней вывеску «Продажа

вина»... Вылезли из возка и пошли туда. Дом совершенно не изменился с расположением: вот моя спальня, вот кабинет, та общая гостиная, в которую мы сходились из своих половин и где заседал Александр Сергеевич в самоедском ерзаке. Вот где стояла кровать его; вот где так нежно возился и нянчился он с маленькими датскими щенятами. Вот где он выронил (к счастью, что не в кабинете императора) свое стихотворение на 14 декабря, что с час времени так его беспокоило, пока оно не нашлось... Вот где собирались Веневитинов, Киреевский, Шевырев, Рожалин, Мицкевич, Боратынский, вы, я и другие мужи; вот где болталось, смеялось, вралось и говорилось умно».

А Погодин (загляните в «Пушкинскую Москву», 1937) отвечал:

«Помню, помню живо этот знаменитый уголок, где жил Пушкин в 1826 и 1827 годах; помню его письменный стол между двумя окнами, над которым висел портрет Жуковского с надписью: «Ученику-победителю от побежденного учителя».

В начале 80-х годов XIX века тут действительно устроили «питейный дом». Позже, до самой революции, - «Казенную винную лавку», а потом уж тот «продмаг» - свято место пусто не бывает.

Остатки дома Савелова, 1962

С него-то и начали крушить Собачью площадку, тень которой, напрямши воображение, можно воплотить, встав на углу Нового Арбата и Борисоглебского переулков и устремив взор в сторону фотоматериала «Юпитер» - это западная граница площадки. А противоположная ей вершина (устье Собачьего переулка) - центр проезжей части против высотки с новоарбатской аптекой. Останется только внимательно изучить старые фотографии площадки и мысленно расставить все по местам.

Перед сносом Собачки, однако, возникли проблемы. Рядом с пушкинским «продмагом» (флигеле, где Соболевский принимал Пушкина) стоял особняк, который в 1897 году снимала М.А. Ульянова, мать В.И. Ленина (полутораметровая мемориальная доска между третьим и четвертым окнами), где будущий вождь остановился по дороге в ссылку. Вначале хотели подвинуть святыню, весной даже перекрыли крышу. Это, верно, и решило ее судьбу - жесть была в дефиците.

Снос Кречетниковского переулка, 1962

Дольше всего мучались с каменным особняком в псевдоготическом стиле Л.М. Савелова, известного исследователя дворянских родословных, где в советское время окопался Союз композиторов, - крепкий оказался.

Словом, колонны пошли. В тот год ранняя зима случилась - перед ноябрьскими десятками катков день и ночь месили асфальт со снегом, и в густом паре нереально гляделись останки ополовиненной Собачки. А закончили сорок лет назад, когда расчищали место под «мишкины книжки» - так остряки называли новоарбатские небоскребы архитектора Михаила Посохина.

Снесли особняк на углу Большого Николопесковского, которым до самой революции владел род Хомяковых. Говорят, именно генерал-майорша Хомякова и выстроила ту колонну, памятник собаке, чтобы красиво было. Существует, правда, версия, мол, это был фонтан - поилка для лошадей. Впрочем, сегодня уже неважно.

У поэта-славянофила Хомякова в 40-х годах XIX века собирались московские литераторы: Аксаковы, Киреевские, Гоголь, Герцен, Чаадаев, Грановский, Языков, Погодин и другие. Возле кабинета хозяина - диванная, «говорильня», место споров славянофилов с западниками.

Сили, что, мол, нужно сделать, чтобы Москва стала современным городом, он ответил: сломать и построить заново. Мэтр вовсе не был варваром, просто он понимал, что радиально-кольцевая схема средневекового города, которая лежит в основе планировки, в том числе и Москвы, обречена. Тогда, конечно, обиделись, а в начале 60-х в отделе взятой части центра Москвы попытались ущербно реализовать идею французца.

Мне представляется, нужно вообще отделять идею устройства проспекта от сноса наиболее древней и ценной исторической части города. Сегодня, когда движение на Новом Арбате в основном стоит намертво, город пожинает плоды того идиотизма, который заложен был при проектировании. Если Корбюзье допускал снос исторической структуры как средство оздоровления, то у нас поступили как всегда: доработали в доступных мыслях средневековый план, заодно до неузнаваемости искажив силуэт центра Москвы. Уже более трети века проспекту, а он, словно уродливый шрам, так и не «вписался» в облик города, разрушив транспортные артерии в районе Арбата в условиях полного отсутствия стоянок, естественных для огромного делового центра.

Сохранение мест вроде Собачки и сегодня выглядит сомнительным: помню, когда крушили ее, пыль алебастровая летела, трескали гнилые бревна перекрытий. Восстановить большей частью деревянные полтораэтажные дома без намека на современные удобства и сейчас бы не взялись, а тогда...

Но представим, арбатские переулки вдруг возродились бы из небытия. Полагаю, многие бы разочаровались, потому что кроме относительно небольшого числа действительно прелестных зданий миру бы явились негодные развалюхи, сараи, пустыри. Например, на месте, где сегодня Валдай-центр, за унылым забором располагался грязный дровяной склад, а вдоль Годеиновского тянулись краснокирпичные корпуса фабрики «Красный воин» с дымной трубой.

Действительно прелестным островком была Собачья площадка да разбегавшиеся от нее Кречетниковский и Дурновский переулки, сплошь почти уставленные особняками, какие сегодня сохранились разве что в выжившем Трубниковском. В принципе эту старину, хотя бы внешне реконструировав, можно было сберечь, если, скажем, в районе пересечения Нового Арбата с Борисоглебским переулком спрятать проспект под землю и выпустить за пределами Садового кольца, а сохранившиеся старые кварталы сделать пешеходным заповедником. Даже в 60-е технически это было вполне реально, но кто тогда об этом думал?

Но самое анекдотичное, сегодня раздаются голоса, пора, мол, сделать Новый Арбат пешеходным, а транспорт пустить под землю. Не говоря о том, что это очередная попытка наступить на те же средневековые грабли, авторы идеи, верно, заботливо предлагают нам во время прогулки любоваться на серые коробки, обступившие проспект, который с момента рождения, к стати, грешит эффектом аэродинамической трубы.

Впрочем, к счастью, пока это лишь фантазия.